

Владимир ОКОРОКОВ

с. Верхнепашино, Енисейский район

Владимир Дмитриевич Окорок — автор семи книг в электронном и бумажном вариантах. Член Российского географического общества. Печатается на сайтах «Проза.ру», «Яндекс.Дзен».

ВОЕВОДА

Малоизвестные факты из Енисейска

Вечерело. По заснеженной зимней дороге в сторону Москвы неспешно тащился уставший обоз. Впереди ехал добротный, хоть и не богатый, крытый экипаж, запряжённый уже изрядно измученной тройкой рысаков. Чуть позади, тащились пять гружёных саней-розвальней, запряжённых парами. Обоз сопровождала дюжина верховых казаков, да столько же вьючных лошадей шли за обозом.

Откинувшись на мягких подушках, Александр Петрович в глубокой задумчивости наблюдал сквозь слюдяное оконце возка за проплывающими мимо заснеженными кронами деревьев. Когда лохматые лапы елей хлестали по обшивке кареты, он вздрагивал, отвлекался от дум и прикладывался пересохшими губами к глиняному голландскому штофу, купленному два дня назад на постоялом дворе в Коломне.

— Богомерзкое пойло, — он с ненавистью отбросил уже пустой штоф. — Жаль, своего сибирского хлебного вина мало прихватили.

Почти трёхмесячное путешествие из далёкого Енисейского острога для воеводы Салтыкова было сплошным мучением. И не только потому, что дорога на лошадях была утомительна. Напротив, по зимнему пути сани почти не трясло, и в другое время поездка принесла бы ему массу добрых впечатлений и удовольствий, но только не в этот раз. Мучили воеводу неизвестность и ожидание какой-то неминуемой беды. И чем ближе они подъезжали к Москве, тем сильнее и чаще сжималось сердце от тревожных предчувствий.

Когда, накануне Покрова Пресвятой Богородицы, в дом воеводы в Енисейске с шумом вломились гонцы из Первопрестольной с требованием немедленно собираться в Москву, в Кремль, чтобы предстать пред ясны очи правительницы Российского царства Софьи Алексеевны, воевода не на шутку испугался. Но что больше всего его перепугало, так это подорожная грамота

«Что за напасть такая случилась?» — обливаясь холодным потом, мучительно соображал он, держа в дрожащих руках казённый документ, подписанный первым боярином государства Российского, самим князем Василием Васильевичем Голицыным. В памяти лихорадочно работающего мозга вихрем пролетали и отпечатывались все воспоминания о грехах и подлости, совершенной против российской короны членами его окаянного семейства.

Но он-то здесь при чём? Александр хоть и родился подданным польского короля, вины его в этом не было. Это его дедушка, боярин Михаил Салтыков, предал Русь-матушку, присягнув польскому королю Сигизмунду, это он получил от него поместье в Дорогобужском уезде.

С чего ради вдруг Софья Алексеевна вспомнила о нём? Тревожная мысль навязчиво и неотступно билась у него в голове.

Нет, здесь не обошлось без козней злейших врагов их рода, того же Голицына и Шакловитого. Столько времени прошло, а не забыли, завистники подлые.

В путь отправились сразу после Покрова, благо снегу в этом году было много и зимник уже основательно проторили. Обозы с грузом из Маковского острога в Енисейск шли почти непрерывно. В начале пути воевода ехал верхом на коне. Всё хорохорился, нет-нет да и прикладываясь к жбану с ядрёной ягодной брагой. Но когда, скособочившись, вдруг внезапно свалился с лошади, казаки запихали его в возок, и с тех пор он оттуда выходил только по нужде, да ещё на постоялом дворе. Однако зелье пить Александр Петрович после этого не прекратил, а на увещевания десятника Перфильева только отмахивался да ругался

срамословно, будто мужик сиволапый, а не высокородный вельможа.

Воеводой Енисейского острога Александр Петрович Салтыков был назначен царём Фёдором Алексеевичем Романовым. И хоть умер тот в прошлом году, прожив всего лишь двадцать один год, однако за столь короткую жизнь успел всё же дважды жениться. И обе его супруги, Агафья Грушецкая и Марфа Апраксина, из знатных старинных семейств, были в хороших дружеских, даже родственных отношениях с родом Салтыковых, что в значительной степени и повлияло на его назначение в Енисейский острог.

По складу своего ума и характера Александр Петрович всё больше склонен был к свободной, раздольной жизни. И хотя был уже немолод, в этом году ему исполнилось уже сорок лет, не задумываясь, отправился в далёкую Сибирь, оставив в Москве жену Екатерину Фёдоровну и троих детишек. Ну не тащить же их с собой в Сибирь, в тьмутаракань?

Вот уже почитай три года как не видел Александр Петрович свою семью. «Старшей-то дочери, Прасковье, уже, однако, девятнадцать лет в этом годе стукнуло, — вспомнил вдруг он. — Совсем взрослая девица».

Служба в Енисейском остроге Александру Петровичу нравилась. Жалованье хорошее, да и начальников никого — считай, сам себе хозяин. Он планировал бы вообще остаться здесь навсегда, но на всё, как говорится, есть воля Господа и государя, конечно.

Александр Петрович улыбнулся, вспоминая, как вышел провожать его народ енисейский. Любили его казаки. Все до единого вышли на дорогу. Как смахивали тайком скупую слезу бородатые мужики, как заголосили в крик бабы, как ревела, цепляясь за стремя, его кухарка, брюхатая Фроська, словно понимая, что никогда он уже в Енисейск не вернётся.

Спустя две недели, сидя за столом с воеводой Кетского острога Иваном Семёновичем Павловым за чаркой водки, Салтыков при свете сальной свечи плакался ему на неудавшуюся жизнь, на судьбу и божился, что чист перед

Господом Богом, царями Иваном и Петром и сестрицей ихней Софьей Алексеевной. Наутро они при расставании обнялись и больше уже никогда не виделись, сохранив в тайне свой ночной разговор.

Воевода пару раз пнул ногой в стенку кареты, кучер что-то крикнул, и обоз встал. Вывалившись из дверцы в сугроб, Салтыков оттолкнул казака, бросившегося ему помогать:

— Отойди, сам я.

Обвёл мутным взглядом хмурые бородатые лица казаков, спешившихся с лошадями, потягивающихся и разминающих спины. Увязая по колено в снегу, отошёл от дороги и, не стесняясь, справил нужду.

— Десятский где? — буркнул он, не глядя ни на кого, и, заметив подбежавшего Степана Перфильева, спросил: — Как настроение в отряде? Здоровы ли казачки? Далеко ли до Москвы?

— До Москвы, воевода, совсем ничего осталось, — махнул рукой Степан, указывая на дорогу, — только вот ночевать опять придётся на постоялом дворе. В город нас, наверное, стража не пустит. На Москве смуты бояться. Я тут

Картина Сергея Иванова «Холопы боярские» (1909).

Из коллекции М. Ростроповича и Г. Вишневской

намедни с проезжавшими из Москвы казаками яицкими говорил, — Степан опасливо закутил головой.

— Садись ко мне в возок, — буркнул воевода, — да прихвати с собой бражки, — и грузно полез в карету.

Когда обоз тронулся, выпили по кружке браги, и, как следует закусив варёной медвежатиной, воевода повернулся к Перфильеву:

— Ну, рассказывай: что там?

— Вражда там между двух царственных семейств возникла. Знающие люди на постоялом дворе говорили.

— Кто там что не поделил? — усмехнулся, разглаживая бороду, воевода.

— Так Милославские с Нарышкиными и схлестнулись за трон царский.

— Погоди, погоди. Так Иван и Пётр, говорят, оба на царство венчаны!

— Так-то оно так, — скомкал Степан мокрую бороду в кулаке, — только регентом-то при них и правительницей — Софья Алексеевна, родная сестра Ивана. Они же из семейства Милославских будут, а Пётр — из рода Нарышкиных. Вот и получается, что для Софьи Алексеевны выгоднее будет, если на троне останется один Иван. К тому же говорят, — Степан понизил голос, как будто кто-то их мог здесь услышать, — Иван-то хворый не только телом, но и головой, говорят, мается. Да и где это видано, чтобы на царство сразу двоих помазали? Нет, определённо быть беде.

— Что языком-то болтаешь? — одёрнул его воевода. — Плесни-ка ещё кваску.

— А вот истину люди говорят, — не унимался Степан. — Пётр-то, рассказывают, хоть и малец совсем, но ушлый и здоровьем Бог не обидел, а Иван и телом хвор, и головой глуп, и к царствованию совсем не пригоден. Зато Софьюшка, кобыла, хочет Петра Алексеевича извести да всю жизнь регентом над дурачком Ванькой и сидеть, а все эти новые князья, что вокруг Софьюшки крутятся, ей в этом помогать будут. Ты уж, воевода, поосторожнее там, гонор-то свой поумерь. Знаю я твой нор, а то кабы чего не вышло. Ладно, пойду я. Почивай, воевода, — и Степан ловко выскочил на ходу из возка.

— А где гонцы-то царские? Что-то я их давно не вижу, — сплюнул в снег воевода.

— Так докладывать князю Голицыну, поди, ускакали, — ощерился беззубым ртом Степан.

Уже ближе к полуночи караван наконец-то разместился на обширном постоялом дворе почти под самыми стенами московского Кремля. До великого праздника Рождества Христова оставалось ровно три дня.

Только под самое утро забылся коротким чутким сном воевода Салтыков. Ночью он попарился в бане, где огромными ножницами его подстригли, подровняли бороду и усы, отросшие за дорогу до безобразия. Когда Александр Петрович наконец-то сел за стол выпить чарку водки и закусить, сквозь маленькие слюдяные окна трактира уже пробивался серый рассвет.

По давно сложившейся в московском Кремле традиции, весь царский двор во главе, разумеется, с самим царём с утра до полудня всегда находился в кафедральном Успенском соборе на заутренней молитве, и только после этого в Престольной палате государь, совместно с боярами, принимал послов, купцов и воевод.

Так было, говорят, всегда. При Михаиле Фёдоровиче, при Алексее Михайловиче и при его сыне Фёдоре Алексеевиче, которого воевода Салтыков знал лично.

Ничего не изменилось и при Софье. Александр Петрович еле протиснулся сквозь огромную разноцветную толпу именитых гостей, заполонившую всё пространство Большого Теремного дворца, начиная от Красного парадного крыльца, сеней и заканчивая Соборной палатой, где его вдруг подхватил под руку незнакомый человек.

— Пойдём, воевода, я тебя в Государев кабинет проведу.

Раньше, когда Александр Петрович бывал в Теремном дворце, эта палата называлась Престольной. Именно здесь стоял престол царский. К его удивлению, престол здесь так до сих пор и стоял. Только вот палата уже называлась не Престольной, а Государевым кабинетом.

«На европейский лад, поди, Софьюшка-то всё делает?» — с горечью подумал воевода.

— Здесь жди, воевода, — проговорил незнакомец и скрылся за дверью опочивальни.

Воевода, отвыкший в Сибири от такой кричащей роскоши, опасливо озирался по сторонам. Три года назад, когда после смерти Алексея Михайловича на престол взошёл Фёдор, ему доводилось однажды проходить через Престольную палату, но тогда здесь шёл ремонт.

Все стены и потолки зала теперь были расписаны позолотой и яркой красной краской. Все лавки, стулья и диваны обиты малиновым бархатом, и даже печи украшены красными изразцами.

— Пойдём, воевода, — всё тот же человек, открыв перед ним двери, провёл его в Грановитую палату.

Здесь Александр Петрович никогда не был, у него дух захватило от размеров этого зала. Стены, подпирающие потолок на высоте десяти метров, смотревшие в комнату огромными восемнадцатью окнами, заполняющими весь зал дневным светом и освещающими великолепную настенную живопись, ошеломили воеводу.

В это время распахнулись все двери палаты, и в зал хлынули толпы народа. Гадя, толкаясь, рассаживались они на лавках в только им одним известном порядке, однако мест сегодня явно не хватало.

Сопровождающий воеводу человек, оказавшийся, видимо, дворецким, хлопнул в ладоши, и тут же несколько поджидавших за дверьми слуг по взмаху его руки втащили дополнительные лавки.

Внезапно всё стихло. Бесшумно открылась дверь рядом с возвышением, на котором стояло царское кресло; точнее, кресел было три.

Воевода заморгал глазами: почему? И тут же устыдился: ну как же, Иван, Пётр — цари, а между ними в кресле с высокой спинкой должна сидеть она, правительница России, регент Софья Алексеевна. Но, вопреки ритуалу, в кресло села одна правительница. Рядом с ней встал — не сел, а именно встал, — князь Василий Васильевич Голицын. Наступила тишина. Софья повернула голову и упёрлась взглядом в воеводу.

Александр Петрович глубоко поклонился правительнице.

— Подойди, — толкнул сзади дворецкий.

Воевода на негнущихся ногах приблизился к возвышению и упал на колени. Софья Алексеевна, продолжая пристально смотреть на Салтыкова, что-то тихо сказала князю Василию. Тот подошёл к воеводе и помог ему подняться.

— Негоже тебе, воеводе и боярину, стоять передо мной на коленях, — хриловатым голосом проговорила правительница. — Брат мой и государь Иван Алексеевич, решивший по вступлении в годы жениться, выбрал в жёны себе девицу Прасковью Салтыкову. Дочь твою, воевода. Дашь ли ты согласие, воевода, на замужество дочери своей Прасковьи с братом моим, государем российским Иваном Алексеевичем Романовым?

Всё смешалось в голове Александра Петровича. В одно мгновение он перестал и видеть, и слышать. Вокруг него что-то происходило, что-то говорили, он ничего не понимал, только постоянно пытался встать на колени, но его удерживали и, наконец, насильно усадили в принесённое слугами кресло. Постепенно к нему возвращался слух, а потом и зрение прорезалось.

— Ответь царевне, матушке нашей, Софье Алексеевне, — шептал на ухо назойливый голос.

Александр Петрович повернул голову и встретился с насмешливым взглядом князя Голицына.

— Что ответить-то? — промямлил он.

— Благословляешь ли ты, воевода, дочь свою Прасковью, и отдаёшь ли ты её замуж за государя нашего Ивана Алексеевича?

— Благословляю, — прошептал воевода в полуобморочном состоянии, кивнув головой, — отдаю, — и потерял сознание.

Потом по случаю помолвки был пир — правда, не такой пышный, какие закатывали в своё время отец и дед Софьи Алексеевны. Всё было достаточно скромно, по-европейски тихо и церемонно.

За столом Александр Петрович сидел рядом с Софьей Алексеевной, по другую руку от него был патриарх Иоаким. Изрядно уже поднабравшись наливков, икая и комкая в кулак бороду, святой отец вдруг произнёс совсем уж крамольные слова, чуть не испортив праздничное застолье.

Бывший капитан рейтарского полка под названием «чёрные всадники», воевавший совсем ещё недавно в составе армии боярина Василия Бутурлина против Речи Посполитой, а ныне патриарх всея Руси Иоаким, люто ненавидел Польшу, обвиняя короля Сигизмунда и всех его сторонников в смерти своей семьи. Почти трезвым голосом он громогласно заявил, что венчать Прасковью Салтыкову с царём Иваном не будет, а если кто другой осмелится это сделать, то он того проклянёт, а сам уйдёт в монастырь.

Начался нешуточный переполох, бояре, перешёптываясь, крестились и прятали глаза. Только после долгих увещаний патриарха удалось выяснить, что, по церковным канонам, дочь католика Салтыкова не может состоять в браке с православным царём Иваном Алексеевичем. И хоть родилась Прасковья уже в Москве, однако отец её, Александр Петрович, и родился, и крестился на территории Речи Посполитой, а значит, католик и иноверец.

После долгих препирательств всё-таки удалось уговорить упёртого патриарха. Решено воеводу Александра Петровича Салтыкова перекрестить по православному обряду, а заодно дать ему другое имя, Фёдор, в честь недавно почившего царя Фёдора Алексеевича, которого патриарх очень любил и тосковал по нему. Кроме того, в доме Романовых существовала традиция поклонения Фёдоровской иконе Божией Матери. Именно этой иконой был благословлён на царствование первый русский царь из рода Романовых Михаил Фёдорович своей матерью Ксенией Шестовой.

Только к середине января отошёл от запоя тесть русского царя. Казаки, посланные Голицыным на его поиски, доставили еле живого Салтыкова во дворец с постоялого двора, где он бражничал в кругу енисейских казаков.

Правительница Софья Алексеевна, слегка попеняв ему, что не бережёт, мол, себя родственничек, и чтобы наконец-то окончательно избавиться от него, объявила царский указ, согласно которому Фёдор Петрович Салтыков возводился в сан боярина, назначался воеводой и правителем города Киева и отправлялся туда незамедлительно.

P. S.

Когда в начале января в Коломенском дворце целую неделю гремела царская свадьба, молодая царица Прасковья Фёдоровна даже не подозревала, что в далёком заснеженном Енисейске у бывшей кухарки воеводы, Ефросинии, родился её родной брат Авдей. Он так никогда и не узнает о своей венценосной сестре и о своих будущих племянницах, великих княгинях. Одна из них, Анна Иоанновна, потом станет императрицей Российской империи. Сама Ефросиния часто вспоминала ласкового, доброго воеводу, плакала даже ночами и молилась за него.

Многоходовый план правительницы Софьи Алексеевны, подсказанный ей её фаворитом Василием Голицыным, тоже не оправдал себя. Было очевидно, что царь Иван очень слаб здоровьем и долго на этом свете не протянет. Поэтому так необходима и была его быстрая женитьба — в надежде, что появится наследник и тогда в случае смерти брата Софья сможет ещё длительное время оставаться во главе государства в роли регента теперь уже своего племянника. Но у Ивана с Прасковьей одна за другой рождались девочки, которые, в силу существовавшего тогда закона, права на престол иметь не могли.